

ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

И.А. Бунин и П.А. Нилус: по материалам переписки

Г.М. Благасова

Изучение творческих взаимосвязей писателей-современников играет важную роль как для характеристики общекультурной атмосферы эпохи, так и для анализа художественных достижений определенных школ, течений, творческих индивидуальностей, в частном плане помогает также созданию истории текста ряда произведений. В этом аспекте представляется чрезвычайно важным рассмотрение проблемы литературного общения И.А. Бунина и П.А. Нилуса, до настоящего времени все еще мало исследованной.

Жизненные пути И.А. Бунина и П.А. Нилуса тесно соприкасались в течение четырех с половиной десятилетий. В научной литературе отмечалась близость их отношений, влияние Бунина на творческие поиски Нилуса (В. Афанасьев, И. Бажинов, А. Бабореко), но о приметах обратного воздействия мало что известно. Хранящиеся в российских архивах 200 писем Нилуса к Бунину позволяют существенно дополнить наши представления о характере творческих связей двух современников (1).

Они познакомились в Одессе летом 1898 года. Петр Александрович Нилус (1869 – 1943) состоял членом Товарищества южнорусских художников, с участниками которого подружился И.А. Бунин. Многих кружковцев Иван Алексеевич искренне любил, вел с ними переписку, а во время пребывания в Одессе посещал по четвергам заседания участников товарищества на квартире талантливого художника Е.И. Буковецкого либо в одном из ресторанов. Там «царил дух скептицизма, веселой шутки, незлобивой насмешки, дух правды» (2). Бунин читал свои произведения, участвовал в обсуждении новинок литературы и искусства. В.Н. Бунина вспоминает, что первое время он «был прямо влюблен в В.П. Куровского», «редкого человека и по душевным восприятиям, и по особому пониманию жизни» (3), отправился с ним в октябре 1900 г. в путешествие по Европе. В годовщину трагической гибели В. Куровского (1915 г.) Бунин посвятил ему проникновенное стихотворение «Памяти друга», где есть такие строки: «Как остро мы любили мир с тобою /Любовью неразгаданной, слепою!»

Приятельские отношения сложились у него с одесскими художниками Костанди, Заузе, Кузнецовым, Эгизом и другими. Общение с ними развило у Бунина тонкое ощущение цвета, чувство колорита и формы. Дружеские письма посылал он Е. Буковецкому, но самые теплые и длительные отношения связывали его с П. Нилусом, которого до конца дней считал «самым близким, вроде брата» (4).

П.А. Нилус родился в 1869 году в имении отца, находившемся в Подольской губернии. Первые семь лет он провел в деревне. После переезда семьи в Одессу учился в реальном училище. Вскоре интерес к живописи вынудил его уйти из шестого класса и поступить в училище Одесского общества изящных искусств, чтобы учиться рисованию. Затем он продолжил учебу в Академии художеств г.Петербурга. Лучшим своим

учителем он всегда считал художника К.К. Костанди. В столице учился в классе великого И.Е. Репина, был приглашен участвовать в знаменитых «четвергах» на его квартире, «где тогда собирался цвет передового искусства» (5). Тепло был отмечен известным критиком В.В. Стасовым. Целых тринадцать лет «был правоверным передвижником» (П. Нилус). Однако в конце первого десятилетия нового века последовала переменна миросозерцания, поворот «от крайнего реализма к индивидуализму» (6), к поиску новых путей художественной изобразительности, в частности к романтической и импрессионистической манере письма. В начале XX века неожиданно возник интерес к литературному творчеству.

Именно И.А. Бунин побудил П.А. Нилуса заняться художественной прозой, всячески помогал ему в литературном становлении: правил рукописи, вел переговоры с издателями и редакторами об устройстве его прозы и пьес. Некоторые черты внешнего облика Нилуса Бунин использовал в рассказах «Сны Чанга» (1916) и «Галя Ганская» (1940), в первом дал также описание его одесской квартиры.

Бунин относился к Нилусу с любовью, посвятил ему стихотворения «Счастье» и «Одиночество», высоко ценил его разносторонние дарования и эстетическую культуру. В среде творческой интеллигенции Нилус был известен прежде всего как даровитый художник, позднее стал печатать стихи, рассказы, повести, фельетоны, пьесы, слыл «тонким знатоком музыки»(7), выступал как художественный критик (8).

Нилус считал Бунина своим учителем, «художником предметов вечных» (9). В одном из шуточных посланий назвал его вполне чистосердечно «моей музы охранителем» (10), посвятил ему свои рассказы «Утро», «На берегу моря», из живописных полотен – картину «Одиночество». В 1918 году он написал портрет Бунина, который в наше время экспонируется в Орле, в Музее И.А. Бунина.

Переписка Бунина с Нилусом началась с 1901 года (11). Большое количество взаимных писем свидетельствует о необычно теплом характере их отношений. Нилус почитал самобытный талант Бунина, его известность в литературном мире и внушительный опыт. «...Теперь тебе как учителю должен рассказать, что делаю <...> На днях тебе pošлю, как только выйдет из-под машинки, эту новую пьесу, которую я назвал «Художники», – писал он 7 июля 1912 года отдохнувшему на Капри Бунину (12). Подобными сообщениями и признаниями наполнены многие письма Нилуса. Они содержат многочисленные сведения о литературных событиях в Одессе, о творческих опытах и планах Нилуса, о переделке им рассказов и пьес в связи с замечаниями Бунина, отзывы о книгах И. Бунина, А. Куприна, А. Федорова и других писателей.

Бунин внимательно следил за его художественным развитием, редактировал почти все его произведения: переделывал его рассказы, советовал сократить длинные описания, неубедительные диалоги, вносил поправки в текст и сам делал сокращения. В большинстве случаев Нилус соглашался с корректурой. Так, 9 июля 1905 года он писал: «Благодарю тебя за дружеские хлопоты <...> Досадую я на себя за неряшливость, я ведь знаю: в рукописи нужно было многое поправить, и то оставил до корректуры <...>» (13).

Но нередко исправления Бунина больно задевали самолюбие, вызывали бурный протест, однако безграничное доверие художественному вкусу автора «Антоновских яблок» вызывало в конце концов слова искренней благодарности. В письме от 17 января 1906 года Нилус писал: «Получивши переделанный «Разгром», я сначала пришел в легкую ярость, но потом, внимательно просмотрев твою расчистку и поняв, в чем дело, я взял имевшуюся у меня другую рукопись и переделал рассказ легко и свободно самостоятельно. Ты не поверишь, до чего я тебе обязан! Все то, что мне казалось неумелым, наивным, я выкинул вон беспощадно! Я оказался даже строже тебя, выбросив за борт до 5-ти страниц (по мелочам) из 184» (14).

Во время работы над рукописью Нилуса «На берегу моря» (1907) Бунин рекомендует автору изменить и сократить отдельные места. В ответ на это Нилус просил: «...Будь добр, отметь карандашом (подчеркнуто П.Нилусом – Г.Б.) те места и пришли в Одессу – я тотчас же приведу все в порядок» (15). Подобное же чувство доверия и признательности содержится в письме от 20 января 1910 года: «Посылаю тебе рассказ «Зеленый попугай» <...> Если ты найдешь, что его можно сократить, то обозначь, где это удобнее всего сделать, и пошли Зайцеву, чем окажешь тысяча первую услугу моему учню (по-польски учень – ученик)» (16).

Приезжая в Москву, Нилус спешил повидаться с Буниным, познакомить его с новыми рукописями и творческими замыслами, посещал вместе с ним телешовские «Среды», участвовал в обсуждении новых сочинений и различных событий литературной жизни.

Не считаясь со временем и занятостью, Бунин усердно правил множество рассказов своего «ученика», что подтверждают письма и хранящиеся в Институте мировой литературы гранки двух рассказов Нилуса: «На берегу моря» и «Дуня», подвергшиеся значительной правке Бунина-редактора, участвовал в стилиевой обработке статьи Нилуса «Ив. Бунин и его творчество» (1912), более того, подготовил проект обложки сборника рассказов Нилуса и дал ему название «На берегу моря» (17).

Творчество Нилуса сближало с прозой Бунина как некоторое сходство взглядов на мир и бытие человека, так и близость эстетических принципов, тем, настроений, стилиевых приемов. В статье «Ив. Бунин и его творчество», написанной к 25-летию литературной деятельности писателя, Нилус отмечает характерные черты творческой манеры своего учителя: «деликатность изображения, редкий вкус и особенно чувство к вещи и верность глаза» (430). Ему, как художнику-беллетристу, стремившемуся сближить принципы живописи и искусства слова, была чрезвычайно дорога устремленность Бунина к передаче «роскоши живописных подробностей». Главную заслугу писателя он видит в том, что Бунин «обогастил метод наблюдения принципами, взятыми из живописи, создал своеобразный пейзаж, обогатил язык новыми словами, новым складом речи» (434). Нилус рассказывает о решительном превращении Бунина в «замечательного колориста», «неподражаемого рисовальщика», употреблявшего не две-три краски, как было в 90-е годы, а целую палитру их со множеством оттенков.

Бликие свойства художественного почерка Нилуса ценит Бунин в произведениях своего «ближайшего друга»: правдивость, наблюдательность, оригинальные краски, свежие рельефные образы, особенно женские. В письме к издательнице М.К. Куприной-Иорданской, рекомендуя ей рассказ Нилуса «На берегу моря» (Шиповник.-1908. – №7), Бунин находит его «прелестным»: «Свежо, легко, изящно – настоящее что-то <...> Лица живые, женщины намечены и нарисованы чудесно, краски небывалые...» (460).

Они были единомышленниками во взглядах на литературный процесс, стояли на сходных позициях в эстетических оценках художественных явлений, не принимали модернистских новаций. Нилус нередко призывал Бунина к активному противостоянию «канальям» «Белым, Биски-Блокам, Кузьминым», развращающим, по его мнению, вкусы публики: «Нельзя же равнодушно смотреть, как карманники-декаденты отдирают безнаказанно единоверцев!» (18). Он призывает Бунина-«единоверца» заняться взаимной популяризацией творчества, писать друг о друге в журналы и печатает ряд статей о Бунине («Новая повесть И.А. Бунина», 1910; «Ив. Бунин и его творчество», 1913; и др.), выступает с докладом о творческом пути писателя на литературном вечере в Одессе, посвященном 25 годовщине творческой деятельности И.А. Бунина.

Как и Бунина, Нилуса волнует вопрос о приобщении людей к вечному и прекрасному, к красоте живописи, музыки, природы, любви. «Моя жизнь, – сообщает он другу в апреле 1910 года, – проходит в вечном брюзжании на безвкусных людей, не

понимающих искусства, природы <...> Так нужно же обществу раскрыть глаза, найти пути для уразумения красоты, которая проходит мимо людей, непризнанная...» (19). Та же тема непонятой и забытой красоты была задумана Нилусом в романе «Жизнь»: «Мне бы хотелось написать о том, что я любил в жизни, о том, чем кончаются человеческие мечты, о том, что люди забывают: красоту, непосредственное чувство...» (20). Писатель полагает, что именно с помощью пьес можно самым удобным способом осуществить задачу просвещения лучших людей толпы, помочь им в «достижении врат обители красоты» (21), в воспитании подлинного вкуса.

Позднее, на юбилее газеты «Русские ведомости» (1913), Бунин резко осудит утрату благородства, падение эстетических вкусов и опошление русской литературы современными модернистами. Как и Нилус, он хотел бы «рассеять путаницу» в головах людей, противостоять упадочным декадентским веяниям.

Бунин был не только литературным наставником Нилуса, он также всячески покровительствовал ему, рекомендуя в различные издания его прозу и пьесы. В октябре 1907 года он предложил рассказ Нилуса «На берегу моря» в первый номер альманаха «Шиповник» (издатели С.Ю. Копельман и З.И. Гржебин), куда ранее отдал и свой рассказ «Астма» («Белая лошадь»). Бунинская вещь была немедленно куплена издателями и помещена в третьем номере альманаха за 1907 год. Редактором литературного отдела был Б.К. Зайцев. Вскоре он сообщил Бунину, что рукопись Нилуса ему понравилась и рассказ будет помещен на страницах журнала. Однако дело с его устройством затянулось, и тогда Бунин решил предложить его издательству «Знание». В конце концов Б. Зайцев оказался верен своему обещанию, а Ив. Бунин – достаточно настойчив, и рассказ П. Нилуса был напечатан в седьмом номере альманаха «Шиповник» за 1908 год.

По сведениям В.Н. Муромцевой-Буниной, рассказ П. Нилуса «Госпожа Милованова» Бунин намеревался передать издательнице М.К.Куприной для журнала «Современный мир», предлагал автору назвать его «Закат», но Нилус твердо стоял на своем и на этот раз оставил свой вариант заглавия.

19 июня 1909 года Бунин убедительно просит Н.Д. Телешова, собиравшего материалы для сборника «Друкарь» с благотворительными целями, взять рассказ Нилуса «Старый сад» в два печатных листа «по 200 (рублей – Г.Б.) с листа», находя в нем «очень, очень много поистине прелестного – свежего, тонкого, красивого, главное же – СВОЕГО (выделено Буниным – Г.Б.). Да и имя у него свежее, артистическое, – не то что «Серафимович да Серафимович»...» (22).

И когда Н. Телешов позволил себе засомневаться в качестве предлагаемого материала, Бунин решительно отказался посылать ему «Старый сад», чтобы не поставить автора в неловкое положение. В конце концов и Телешов, внимательно перечитав рассказ и уступая бунинской настойчивости, признал его «хорошим» и включил в сборник «Друкарь» на условиях, предложенных Иваном Алексеевичем (23).

По просьбе Нилуса пятого июля 1912 года Бунин обращается с письмом к академику Н.А. Котляревскому, заведующему репертуаром императорского театра, просит «обратить внимание на пьесу «Господин Порецкий» своего «ближайшего друга Петра Александровича Нилуса» и посодействовать ее постановке в Петербурге. Здесь же общает о заветной мечте Нилуса попасть на сцену Александринского театра, рассказывает о своей желании помочь осуществлению этой мечты (460). Пьеса была одобрена М. Горьким, С. Найденовым, С. Юшкевичем, но Бунин нашел, что конец ее «пахнет выдумкой, случайностями, вроде перелома ноги, а уж про двойное самоубийство, про то, что Порецкий – знаменитый составитель ядов, и про сосуды, кои самоубийцы толкают в момент смерти, – не говорю: глупо» (№ 2, 149). Нилус поначалу пытался усомниться в замечаниях и обвинениях, особенно «в глупости», и оправдаться, но, поразмыслив, последовал совету Бунина и изменил конец пьесы (24).

Известно, что Бунин был чрезвычайно взыскательным художником. Писательская строгость его носила порой категорический характер: он бывал подчас нетерпим к субъективным оценкам, с трудом допускал вмешательство в свою творческую лабораторию, тем более удивительными предстают факты, показывающие примеры творческого и дружеского воздействия Нилуса на Бунина.

Иван Алексеевич неизменно отвечал Нилусу чутким вниманием, дорожил его мнением, прислушивался к советам и замечаниям, нередко критическим и острым. «Что же это ты, стерва, отвечаешь на приветствия клуба, а друзьям ни слова! – полушутливо возмущается Нилус в письме Бунину на Капри (от первого марта 1913 года). – Пишешь нежные письма журналистам, посылаешь оттиски Тальниковым <...> Не будь рекламёром а la Верещагин, который дарил репортёрам свои портреты с надписью: «в знак любви». Все вы так, орловские мужики...» (25). Только Нилусу, близкому другу, человеку «великого такта» (26), доброты и благородства, Бунин позволял быть с ним резким и прямым. Писатель ценил открытость Нилуса, с пониманием относился к его советам и пожеланиям. «Пишу тебе это затем, что тебе этого никто не скажет... из друзей...» – замечает Петр Александрович в письме Бунину от 8 декабря 1907 года по поводу недавно опубликованного рассказа «Астма» (27).

Рассказ «Астма» Нилус прочитал в конце 1907 года в Одессе и немедленно сообщил автору о своем впечатлении: «... И сказал я себе: большие гонорары портят людей. Ведь вся цель и прелесть рассказа – в ночной поездке и в таинственном, окружающем нашу жизнь, и совсем ни при чём здесь помещик в батистовой косоворотке и сапогах, и ни к чему длинное описание болезни, описание <оловянного> взгляда помещика, да ещё <презрительного>, совсем незачем землемеру прятать <...> ботики под сидение <...> а смерть опять лишняя» (28).

Как тонкий художник, Нилус почувствовал в рассказе нарушение эстетической гармонии: нарочитое сгущение образности, чрезмерную детализацию – и выразил сомнение в необходимости подобного плотного письма. Мнение Нилуса перекликается с известной оценкой А.П. Чехова, высказанной по поводу рассказа «Сосны»: «Очень ново, очень свежо и очень хорошо, только слишком компактно, воде сгущённого бульона» (29). Нилус ищет поддержки у великого Л. Толстого, апеллирует к его словам: «Подробность, а к чему она?» (30).

Что прежде всего обращает на себя внимание в этой переписке с Буниным – это характер отношений двух писателей: едва ступившего на литературную стезю Нилуса (его первый рассказ был опубликован в 1906 году) и уже известного в литературном мире Бунина. В свободной форме, с обескураживающей откровенностью, не боясь быть неверно понятым, Нилус излагает Бунину своё мнение об «Астме». И его мнение принимают, с ним соглашаются: при последующих переработках текста в 20-е годы (в 1927 и 1929 годах) Бунин прислушался к былым советам друга, значительно сократил рассказ: изъял из него первую, восьмую и девятую главы, опустил много ненужных подробностей, в том числе и детальное описание помещика, его внешнего вида, «оловянного» взгляда, убрал вместе с первой главой и эпизод с ботиками землемера, сократил и описание болезни главного героя. Был принят и совет Нилуса относительно «лишней» смерти: исчезло описание смерти землемера.

Признавая и одобряя «силу, густоту и образность» последних вещей Бунина, изданных в «Знании», Нилус продолжает и в более поздних письмах настойчиво советовать избегать излишних подробностей. Так, в связи с подготовкой рассказов Бунина «Будни», «Личарда» и «Последний день» (1913) к газетным публикациям, Нилус, ознакомившись с ними и одобрительно отозвавшись обо всех трех произведениях («очень хороши»), тем не менее настоятельно советует своему учителю не быть избыточным в деталях: «Если хочешь услышать трезвенное слово – то заметь себе в уголку глаза, не будь расточителен и соблю-

дай в каждом рассказе его суть, не раскидываясь по сторонам. Так, в рассказе «Будни» совсем не нужен рассказ мужика о чахоточном сыне-работнике, довольно одного пустоболта <...> В «Последнем дне» размазаны ненужные подробности о НОВОМ ХОЗЯИНЕ (выделено П. Нилусом – Г.Б.) – это очень портит впечатление» (31).

Названные рассказы Бунин почти не правил, он лишь подверг незначительному сокращению рассказ «Будни», но без какой-либо связи с предложениями Нилуса. Примечателен сам характер общения, допускающий прямолинейность критических высказываний и отвергающий всякое лукавство и лесть. В.Н. Бунина приводит слова Ивана Алексеевича, позволяющие судить о неразрывности его дружбы с Нилусом: «Мы ведь связаны очень длинной цепью и можем временами далеко удаляться друг от друга, но ее никогда не разорвем» (32).

Бунин ценил широту кругозора своего приятеля и часто спрашивал о его мнении по поводу того или иного своего рассказа либо предлагал придумать заглавие очередной своей книге о мужиках и «господах». Четвертого июля 1912 года он просит Нилуса придумать заглавие книге о Руси, предлагает свои варианты: «Русь», «Наша душа», «Повести и рассказы». В ответном письме Нилус предлагает свои названия: «Земля», «Чернозем», «Деревня», «Мужики». В августе Бунин сообщает, что назвал эту книгу «Суходол. Повести и рассказы 1911-1912 гг.» (№ 2, 149).

Один из самых красноречивых примеров дружеского участия содержится в письме Нилуса от четвертого октября 1911 года, в котором был дан совет по поводу описания тяжкого физического состояния главной героини «Веселого двора» (1911): «Забыл тебе сказать: Анисья во время своего пути к сыну от малокровия видит <червячка>, плывущего перед глазами. Это по-вашему, северному, м.б. общепринятое понятие, а международное и более точное определение этого червячка *mouche volunde* – мушка, я бы сказал по-русски. Что лучше?» (33). И опытный стилист находит другой вариант: совмещает оба понятия, дополняя их верно найденными запредельными образами уходящего сознания. Перед глазами изнывающей от голода и слабости Анисьи, пребывающей в состоянии полусна и предсмертного бреда, «плывёт, плывёт стеклянный червячок, плывут стеклянные мушки»; «и опять плывёт кверху, скользит, поднимаясь», червячок, «и множатся, множатся мушки»; и «несуществующие мельницы» машут крыльями по горизонту; и звучат «несуществующие голоса» баб (3, 286-287).

Бунину было важно знать мнение своих близких друзей о рассказе «Петлистые уши», вызвавшем противоречивые и подчас острые отзывы критиков. Двенадцатого марта 1917 года он обращается к Нилусу и Буковецкому с просьбой сообщить своё мнение о рассказе (№ 2, 153). А через два месяца, в письме от 27 мая, выражает благодарность Нилусу «за похвалы и хулы «Петлистым ушам», отмечает наиболее понравившееся место в отзыве: «... Разве автор хотел заразить читателя «потрошительством»? Тут главное – адский фон и на нём здоровенная и ужасная фигура. А согласись, что это удалось» (№ 2, 154).

Общение Бунина и Нилуса продолжалось и в годы эмиграции, особенно после окончательного поселения Нилуса в Париже в 1923 году. Судьбе было угодно поселить их не только в одном доме, но и на одной лестничной площадке, дверь в дверь. В мае 1943 года, когда Бунины жили в Приморских Альпах, на юге Франции, пришло сообщение от В.Н. Зайцевой о смерти Нилуса в оккупированном немцами Париже. Состояние оцепенения от пережитых страданий, слабости, болезней, холода, голода удивило и озадачило Бунина: известие не вызвало в нём потрясения, но усугубило раздумья о кратковременности и бренности жизни, о неотвратимо приближающемся конце. Дань памяти бывшему другу отдал позднее, после того как немного оправился от пережитых ужасов войны – в 1946 году, в третью годовщину смерти своего «многолетнего друга», «богато одаренного и прекрасного человека», в статье «Памяти П.А. Нилуса» (9, 475). В посмертном слове признания назвал

бывшего друга «талантливым беллетристом», подчеркнул его обаяние, влияние на окружающих людей его «доброты, благородства, вечной молодости сердца» (9, 476). И видится некий знак свыше в том, что именно в квартиру Нилуса, к его вдове, постучала В.Н. Бунина в ту трагическую ночь, когда Иван Алексеевич умирал.

Бунина и Нилуса связывала не только дружба, близость мировоззрений и творческих установок, обусловленные литературно-эстетическими позициями обоих, личными симпатиями и атмосферой художественных поисков начала века. П.А. Нилус был, бесспорно, одним из тех, кто даёт основание говорить о «школе Бунина» в русской литературе, школе, в которой сам характер взаимоотношений допускал обоюдное влияние, нередко определял принципы взаимного партнёрства и безусловного доверия друг другу.

Литература

1. В РГАЛИ (Российском государственном архиве литературы и искусства) хранятся 174 письма П.А. Нилуса И.А. Бунину за 1901 – 1915 годы, в ОГЛМТ (Орловском государственном литературном музее И. Тургенева) – 26 писем за 1902 – 1914 годы.
2. Иван Бунин. Литературное наследство. Т. 84. Кн.2. – С.432. Далее страница указана в тексте.
3. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. – М., 1989. – С. 294.
4. Аврора. – 1973. – № 1. – С. 67.
5. Одесские новости. – 1915. – № 9736. – 13 июня.
6. Там же.
7. Бунин И.А. Собр. соч.: В 9-ти томах. – М., 1965 – 1967. Т. 9. – С.475. Дальше том и страницу см. в тексте.
8. После ухода в 1920 году в эмиграцию Нилус выставлял свои картины в крупнейших городах Европы: Париже, Софии, Белграде, Загребе, Вене. Французы ценили его «как первоклассного колориста и художника-поэта». – Там же. – С. 475.
9. РГАЛИ. Ф. 44, оп. I, ед. хр. 169, л. 90.
10. ОГЛМТ. Ф. 14, № 3095.
11. Писем Бунина к Нилусу в русских архивах и у частных лиц содержится незначительное количество. Часть писем известна лишь в отрывках, приведенных В.Н. Буниной в ее книгах. 18 писем опубликовал А.К. Бабореко в журнале «Русская литература» (1979, № 2) и в сокращенном варианте в книге «И.А. Бунин. Материалы для биографии» (М., 1983). См. стр. 123, 124, 126, 141, 151, 195, 198, 202, 231, 233.
12. РГАЛИ. Ф. 44, оп. I, ед. хр. 169, лл. 28, 29.
13. ОГЛМТ. Ф. 14, № 3095.
14. РГАЛИ. Ф. 44, оп. I, ед. хр. 168, л. 10.
15. ОГЛМТ. Ф. 14, № 3095/18.
16. РГАЛИ. Ф. 44, оп. I, ед. хр. 168, л. 134.
17. Сборник рассказов П. Нилуса «На берегу моря» вышел в свет в 1918 году в «Книгоиздательстве писателей в Москве».
18. РГАЛИ. Ф. 44, оп. I, ед. хр. 221, л. 116.
19. РГАЛИ. Ф. 44, оп. I, ед. хр. 168, л. 117.
20. Русская литература. – 1979. – № 2. – С. 152. Далее в тексте будут обозначены номер журнала и страница.
21. РГАЛИ. Ф. 44, оп. I, ед. хр. 168, л. 117.
22. Там же.
23. Сборник «Друкарь» появился в печати в 1910 году.
24. РГАЛИ. Ф. 44, оп. I, ед. хр. 169, лл. 24, 28, 29.
25. ОГЛМТ. Ф. 14, № 3095/12.
26. Там же. № 1284.
27. Подъем. – 1976. – № 3. – С. 167.
28. Там же.
29. Чехов А.П. Собр. соч. Т. 12. – М., 1964. – С. 429.
30. Подъем. – 1976. – № 3. – С. 167.
31. Там же. – С. 168.
32. Муромцева-Бунина В.Н. Указанная книга. – С. 476.
33. РГАЛИ. Ф. 44, оп. I, ед. хр. 168, л. 18.